

Он сейчас покупает что-то в закусочной, взял две порции, судя по всему, собирается домой.

На том конце провода раздался голос молодого мужчины, слегка глуховатый. Он спокойно произвел:

— Понятно, теперь можешь возвращаться, только сделай так, чтобы он не заметил.

— Слушаюсь, босс.

Мужчина небрежно сбросил вызов. Он сидел на темно-красном кожаном диване в полумраке комнаты, и его лицо было скрыто в тусклых тенях, отчего черты казались неразличимыми, однако изысканные платиновые запонки на манжетах мерцали слабым, таинственным светом.

Мужчина провел рукой по полуполу пиджака, и словно по мановению фокусника между его тонкими, узловатыми пальцами появилась фотография.

Человеком на снимке был не кто иной, как Му Чэнь. Даже приглушенный свет не мог скрыть его выдающуюся внешность и благородный темперамент, однако взгляд мужчины пал вовсе не на него — он всматривался в того, кто стоял позади.

Этот человек находился за спиной Му Чэня и из-за фокусного расстояния объектива казался слегка размытым. Он приподнял руку, прижимая наушник, слегка нахмутив брови — казалось, он с кем-то разговаривал, но его глаза при этом не переставали бдительно следить за всем вокруг.

Это был личный телохранитель Му Чэня — Цзян Чэнь. Мужчина большим пальцем нежно погладил лицо Цзян Чэня, словно испытывая глубокую тоску, легко вздохнул, а затем убрал фотографию в карман, поправил полы костюма и не спеша поднялся на ноги.

На полу перед диваном стоял на коленях и непрерывно дрожал рыжеволосый мужчина, чьи руки за спиной были стянуты пластиковой мягкой стяжкой. Мужчина подошел к нему, опустил глаза и, глядя на него сверху вниз, слегка улыбнулся:

— Мистер Смит, в вашей отрасли вы пользуетесь безупречной репутацией и обладаете выдающимися способностями, но на этот раз вы меня действительно разочаровали.

Смит нервно сглотнул, по его лбу непрерывным потоком катился холодный пот. Дрожащим голосом он произнес:

— Прошу... прошу, дайте мне еще один шанс, в следующий раз я непременно справлюсь! Если бы не этот проклятый телохранитель рядом с Му Чэнем, я бы точно...

Его прервали:

— Именно этот телохранитель.

Донесшийся сверху голос был мягким и спокойным:

— Ты ранил этого телохранителя, и это самая серьезная ошибка, которую ты совершил.

Смит растерянно широко раскрыл глаза, после чего тон мужчины резко похолодал:

— Ты должен благодарить свою никудышную стрельбу за то, что нанес ему лишь легкое ранение, иначе ты бы умер не так легко.

Мужчина поднял руку и сделал жест, и из темного угла тут же материализовался высокий, крепкий светловолосый мужчина в деловом костюме. Вытащив из-за пояса пистолет, он ловко дослал патрон в патронник, и ледяное дуло уперлось Смиту в затылок...

Бах!

Девятимиллиметровая латунная пуля прошила голову Смита. Его тело поддалось вперед от силы удара, и две капли теплой алой крови брызнули на дорогие и изысканные кожаные туфли мужчины. Рядом тут же возникла стройная женщина-секретарь, которая опустилась на колени и принялась заботливо протирать их личным платком.

Мужчина равнодушно бросил:

— Уберите здесь все, а тело выбросьте в реку.

Светловолосый мужчина, застреливший его, спрятал оружие и, склонив голову, отдал приказ:

— Слушаюсь, генеральный директор Му.

...

Цзян Чэнь в левой руке нес две порции жареной курицы, а в правой — большой пакет с хрустящими снеками. Шагая в лучах заходящего солнца, он прошел по узкому и длинному переулку, вальяжно вернулся в арендованную квартиру и с некоторым трудом выудил ключи, чтобы отпереть дверь.

Тощий высокий юноша в небесно-голубом фартуке с лопаткой в руке выглянул из кухни, и, едва запримечив то, что было у того в руках, тут же нахмурился:

— Дядя! Сколько раз я тебе говорил, не покупай эту вредную еду на улице! Еще утром я предупреждал, что сегодня вечером буду готовить курицу гунбао.

Этот юноша приходился Цзян Чэню тем самым дальним племянником, носил ту же фамилию, а звали его просто Юй. В свои восемнадцать лет он обладал заботами восьмидесятилетнего старика: в его будни входило лишь посещение учебы да поиски всевозможных способов постижения кулинарного искусства, чтобы хоть как-то заткнуть рот Цзян Чэню, страстно любившему вредный алкоголь, сигареты и снеки.

Цзян Чэнь швырнул пакеты на журнальный столик, плюхнулся на диван, схватил пульт и включил телевизор, закинув длинные ноги на стол, и лениво произнул:

— Сегодня у меня было плохое настроение, мне требовалась жареная пища, чтобы утешить мою израненную душу.

Цзян Юй на мгновение замер, и его взгляд упал на перевязанную руку Цзян Чэня:

— Ты ранен?

— Пустяки, так, кожа оцарапана.

Цзян Чэнь не придавал значения подобным мелким травмам. Он методично щелкал пультом, пытаясь найти какой-нибудь интересный фильм, но сколько бы каналов он ни переключал, везде шли лишь рекламы лечения бесплодия.

Цзян Юй принес стакан свежавыжатого апельсинового сока и заодно уселся на соседний стул, с тревожным выражением глядя на него:

— Твоя работа слишком опасна, может, сменишь ее? Ты ведь отлично умеешь драться, даже если пойдешь фитнес-тренером по единоборствам, это все равно безопаснее.

Цзян Чэнь взял стакан, сделал пару глотков и ничего не ответил.

Его связывали глубокие узы с семьей Му: его отец некогда был водителем в семье Му, а мать — их личным диетологом. Дети в других семьях, возможно, мечтали поступить в престижные университеты вроде Цинхуа или Бэйда, но Цзян Чэнь с самого детства знал, что, когда вырастет, будет работать на семью Му, и никогда даже не помышлял о каком-то ином жизненном пути.

Клан, стоявший за спиной Му Чэня, был огромен и древен, его историю невозможно было проследить сквозь толщу веков. Во время одной из церемоний почитания предков Цзян Чэнь случайно мельком взглянул на их генеалогическое древо и понял, что оно поистине бесконечно, а среди имен значились те, что прославились в самые разные эпохи.

При найме работников они тоже придерживались преемственности поколений: примерно треть подчиненных в семье Му, как и Цзян Чэнь, были выходцами из родов, из поколения в поколение служивших семье Му, а потому их подчиненные были неизменно преданы хозяевам и не питали дурных помыслов.

Однако исключением являлся лишь сам Цзян Чэнь. В детстве он рос болезненным, и старый господин Му лично разрешил ему жить в большом поместье поправлять здоровье, так что он рос, бегая повсюду вслед за Му Чэнем и остальными. Будучи ребенком прислуги, он пользовался огромной любовью, а особенно со стороны Му Чэня — Цзян Чэню нередко перепадало его заботы, и возвращения в спальню на руках после того, как он промок под дождем и заболел лихорадкой, были обычным делом.

Даже когда Цзян Чэнь учился в университете, на каникулах он неизменно жил у Му Чэня. Съехать в отдельную съемную квартиру и начать по-настоящему самостоятельную жизнь он решился лишь в прошлом году. Поскольку он теперь работал, разумеется, он больше не мог позволить себе прежнюю близость с Му Чэнем и даже стал постепенно отдаляться от него, воспринимая исключительно как прямого начальника.

...Правда, учитывая суровый нрав Му Чэня, только и оставалось, что относиться к нему как к начальнику, выплачивающему зарплату — лишь так Цзян Чэнь мог стиснуть зубы и подавлять непреодолимое желание врезать ему.

<http://bllate.org/book/27022/3259019>